

Когда я возвратился, ко мнѣ подошелъ тотъ самый лакей, котораго я видѣлъ утромъ въ кителѣ съ пуговицами и спросилъ:

— Кому прикажите доложить, графинѣ или графу?

На рукахъ у него были бѣлыя нитяныя перчатки.

— Доложите кому хотите,—сказалъ я.

— Кому прикажите доложить?—повторилъ онъ.

— Графинѣ—сказалъ я.

Черезъ нѣсколько минутъ лакей проводилъ меня на террасу и сказалъ:

— Сю минуту ихъ Сіятельство выйдутъ.

Графиня вошла быстрыми шагами, бодрая, энергичная и громкимъ голосомъ проговорила:

— Я же вамъ писала, что Левъ Николаевичъ позировать не будетъ, чего-же вы пріѣхали? Садитесь, пожалуйста.

— Графиня, я беспокоить васъ не намѣренъ. Я послалъ вамъ второе письмо, гдѣ писалъ, что мнѣ необходимо взглянуть на Льва Николаевича и только.

— Да, но представьте, онъ боленъ, никого не принимаетъ и самъ не выходитъ, онъ въ постели...

— О, тогда простите, тысячу разъ простите.

Мнѣ сдѣлалось неловко.

— Вы знаете,—сказала она, вы еще молодой художникъ; какъ рискованно писать портретъ когда чело-вѣкъ совсѣмъ не можетъ позировать. Вотъ пріѣзжалъ недавно вашъ профессоръ Рѣпинъ, близкій знакомый Льва Николаевича и онъ ему тоже не могъ позировать. И тотъ портретъ, гдѣ мы вдвоемъ со Львомъ